

В СВОЕЙ СЕМЬЕ— В СВОЕЙ СТРАНЕ

ДИАЛОГ ОЛЬГИ ФОКИНОЙ И ВАСИЛИЯ ОБОТУРОВА

ЖИВЕТ Ольга Александровна Фокина в Вологде, и, понятно, мы часто встречаемся. На выступлениях перед читателями и на собраниях писательской организации, на больших литературных вечерах и просто по-соседски. Разумеется, и о литературе беседовали не однажды — это же наше общее дело. А тут — беседа для журнала — для читателя.

— Ольга Александровна, ваша творческая работа удостоена в последние годы Государственной премии РСФСР имени Горького. Вы награждены орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». Как вы лично относитесь к этим фактам общественного признания?

— Не вижу в своей работе ничего исключительного: «продукцию» выдаю по мере сил и возможностей, работаю без особенных перегрузок, что называется, в свое удовольствие; и это как-то всегда смущает, заставляет оглянуться еще и еще раз на то, что сделано, устыдиться за торопливые и суетные строчки, за мысли, недостаточно выверенные, за чувства порой мелковатые. Словом, хочется стать достойной поощрения, наград... Высокую оценку своей работы рассматриваю как поощрение народных поэтических традиций, как внимание к труженикам села, к судьбе крестьянской. Мысленно перераспределяю свои награды между героями своих произведений.

— А теперь, Ольга Александровна, обратимся к истокам. Как и почему вы стали писать, что побудило к этому, как пришла уверенность в жизненном предназначении?

— Я очень люблю — с самого раннего детства — все, что меня окружало и окружает: маму, отца, братьев, свой дом и улочку перед ним, черемуху под окном и грядки, деревню, поле, речку и лес, песни, цветы и ягоды, грозу, метель, мороз... В нашем доме все любили книгу, и раннее приобщение к природе и чтению будило мысль, развивало мечтательность, звало к чему-то неведомому.

В деревне сочинение и распевание частушек — дело обычное: каждый общий колхозный праздник нарождал не один десяток развеселых или распечальных запоминающихся маленьких шедевров, о тех, кто работает, пляшет и поет, — о себе и о подруге, о матери и товарище. По частушкам можно было проследживать лирические отношения Ее и Его. Он и Она обозначались такими характерными приметами, что были даже нами, детворой, узнаваемы. Немудрено, что и ребятя без особого трепета рифмовала и придумывала складные считалки и дразнилки.

Лет в двенадцать я поняла, что хочу, но не умею, не готова общаться с миром стихами. Я сильно страдала, не понимая написанного другими и не умея точно и красиво выразить собственные чувства. Слов не хватало... Но тяга к стихам росла вместе со мной. Не оставила она меня и в медицинском училище, куда я поступила в 14 лет. После четырех лет учебы в Архангельске год заведовала медпунктом на лесоучастках родного Верхнетоемского района, потом пять лет училась в Литературном институте имени Горького.

В марте 1963 года «Молодая гвардия» выпустила мой первый сборник стихов «Сыр-бор». О нем хорошо говорили на четвертом Всесоюзном совещании молодых писателей. Летом 1963 года меня приняли в члены Союза писателей. А осенью я приехала в Вологду, где была гостеприимно принята знакомыми по учебе в Москве писателями Сергеем Викуловым и Александром Романовым, по учебе в Архангельске — Иваном Полуяновым. Чуть позднее сюда вернулись тоже знакомые по Литературному институту Василий Белов и Николай Рубцов...

Уверенность в жизненном предназначении? Пожалуй, у меня ее нет. Есть большое сомнение — не ошибка ли? Может, все-таки лучше было крестьянствовать?

— Ольга Александровна, одновременно с вами пришло в поэзию множество ваших сверстниц. Чем объясняется, на ваш взгляд, это явление?

— Ну, я бы не сказала так: «Множество». Много — это правда. У каждой — свой голос. Все состоялось. Годы, когда мы начинали, вообще характерны взрывом поэтической активности. Видимо, это закономерность социально-историческая. Но об огромной заслуге поэтов старшего поколения нельзя не сказать. Авторитет поэтического слова Твардовского, Исаковского, Смелякова, Яшина обладал завидной притягательностью, вдохновлял дерзостью поэтического самораскрытия, откровения. Они принимали участие очень активное в судьбе «литературной смены».

— Когда-то А. Т. Твардовский пронизательно сказал: «Мы все, почти что поголовно, оттуда люди, от земли», и слова эти отразили сущность судьбы миллионов советских людей. Вам, крестьянке по происхождению, они, видимо, особенно близки.

— Да, у меня все предки, каких знаю, — крестьяне. Во мне любовь к земле неистребима — и желание поведать о ней лежит в основе всех моих созданий. Это, наверное, родилось со мной и со мной умрет, если не останется в детях...

— А уж коль речь зашла о традициях, то неизбежен и следующий вопрос: все мы воспитаны на великой русской литературе прошлого века, но, как правило, избирательны в пристрастиях. Кто вам ближе всего и в чем проявилось творческое влияние этих избранников?

— Я без памяти влюблялась в стихи и поэмы Некрасова, буквально жила и дышала Лермонтовым, упивалась Пушкиным, восторгалась Маяковским и подражала ему, зачитывалась Есениным и «Соловьиным садом» Блока, учила наизусть Твардовского, постигала и постигаю поэзию Марины Цветаевой. Все они мои безусловные учителя и воспитатели, любимые собеседники, утешители и вдохновители. Но у меня — свой материал, своя жизнь, свои читатели, и в отношениях с ними я стараюсь оставаться естественной, чтобы и понимать, и быть понятой. Мой идеал — наибольшая близость к разговорной и внутренней речи тех, чьи мысли и чувства пытаюсь выразить. В стихах мне дорого ощущение жизни, мертвечину, сколь бы хитро ее ни маскировали, чую за версту и совершенно не приемлю. Среди современников одним из самых высоких поэтов считаю Василия Федорова. Люблю Новеллу Матвееву.

— Ольга Александровна, появилось немало песен на ваши стихи. Насколько сознательно вы ориентируетесь на «песенность»? Как относитесь к современной эстраде, о которой столь много спорят читатели и критики, поэты и композиторы?

— На песенность специально не ориентируюсь, но песни люблю — наверное, с первой материнской колыбельной. Думать «песенно» для меня дело естественное. Чаще всего многие из нас потребность в песенности удовлетворяют тем, что слышат или сами напевают что-то известное, любимое. А если свои думы в своем слове складно сложились, отчего не промурлыкать их — под скрип ли детской коляски, под журчанье ли родника или речки, под шум ли сосновых вершин?

Композиторы такие стихи выбирают безошибочно, пишут к ним музыку, нередко совпадающую с моим напевом. Наиболее удачные совпадения у Н. Поликарпова, А. Носкова, Н. Мешко. В исполнении Северного русского народного хора эти песни для меня — драгоценные подарки. Есть много и эстрадных песен (композиторы А. Фаттах, Вяч. Петров, В. Гаврилин), которые душевно поют Валентина Толкунова, Маргарита Суворова, Людмила Сенчина, Нина Сазонова...

К эстраде я небезразлична, жанр эстрадной песни — мобильный и действенный, жаль только, что на эстраду проникает много низкопробной продукции. Может быть, не слишком требователен «фильтрующий», то бишь редакционный аппарат наших радио и телестудий? Думаю, не надо бы отдавать такую большую дань зарубежной моде, чуждой нам по духу. Слова Маяковского «У советских — собственная гордость...» не стоит забывать.

— Песня чаще всего современна, а для вас характерен и пристальный интерес к прошлому. Пойдет ли речь о ранней поэме «Черемуха» или об одной из крупных работ последних лет драматической поэме «Останься со мною». Чем вызван этот интерес к истории, пусть и недавней, чем он питается?

— Ну какая ж это история — расстояние в двадцать-сорок лет? Считаю, что это — наши дни, мои, поскольку я их свидетельница. Братся же за пласты жизни, о которых знаю лишь по книгам да преданиям, не рискую. Пишу только о том, что знаю, в чем уверена. Сочинитель из меня — никакой.

— Я знаю, Ольга Александровна, что вы каждое лето подолгу живете на родине в деревне, а в то же время в последние годы побывали и в других областях нашей Ро-

дины, и за границей. Наверно, получили много жизненных впечатлений. Как они отражаются в вашем творчестве?

— И в дальних краях я в первую очередь все-таки стараюсь найти, вернее, отличаю любую общность с нами, с моей родной землей. Очень радуюсь, когда вижу ее! В самом деле, везде любят свет и тепло, дружелюбие, открытость и доверие, уважение и признательность. Думаю, нельзя ехать в гости с камнем за пазухой, так же как и не стоит рабски преклоняться перед заморскими дивами. Сохранить же простое человеческое достоинство, быть истинным представителем великого народа и справедливого социального строя, представителем литературы Советского государства — миссия весьма и весьма ответственная. Боюсь, мы не все и не всегда с нею справляемся. Во время далеких поездок, сколь бы они ни были интересны, постоянное, главное желание — скорее вернуться домой, к своим делам и заботам. На творчество поездки существенного влияния пока, по-моему, не оказывали.

— Каждый писатель живет не в изоляции, и среда так или иначе активно действует на него. Какое влияние оказывают на вас литературные связи — теперь уже весьма широкие, как называется атмосфера вашего ближайшего окружения — Вологодской писательской организации?

— Я благодарна за постоянное заинтересованное участие в моей литературной судьбе первому рецензенту моих стихов — подборки, присланной в приемную комиссию Литературного института, а также и рекомендателю рукописи первой книжки моей — Виктору Федоровичу Бокову. Уже два десятилетия поощряет меня к активной социальной позиции в творчестве и всеми силами ее поддерживает Сергей Васильевич Викулов. Федор Александрович Абрамов — земляк и родственник по духу всегда умел поддержать и ободрить меня в нужную минуту. Родство «по душе, а не по крови», говоря словами Гоголя, великая сила, и я, человек по натуре необщительный, тем не менее не ощущаю духовного одиночества: со мной братья-писатели.

Отношения с «ближайшими родственниками», членами Вологодской писательской организации, в основе те же: братские. Поскольку в родной семье я росла с четырьмя братьями, то и в нашей мужской писательской организации я чувствую себя как дома. Принимаю посильное участие в общих делах организации (выступаю, работаю с участниками областных семинаров молодых писателей). Но все самые трудные дела мужчины, конечно же, берут на свои плечи. Мне же до сих пор были позволительны и слабости, и даже капризы. Откровенно говоря, я благодарю судьбу за то, что она не закрыла от меня Вологду — Москвой ли, Ленинградом ли...

— В углубление той же мысли: что дает вам работа с молодыми писателями?

— Работа с молодыми писателями (ответы на многочисленные письма, личные беседы, рецензирование рукописей, «сопроводилочки» к публикациям, рекомендации в члены СП) — дело нелегкое, но необходимое. Очень просто травмировать юную поэтическую душу неосторожным словом, поэтому за рецензии сажусь только в хорошем расположении духа. И все равно положительные получаются очень редко.

Огорчительный факт: большинство авторов пишут ни о чем, будто нет биографии, нет осязаемой почвы под ногами, нет ни «идейной линии», ни «линии судьбы». Но претензии...

Где уж тут помнить о народной мудрости, советующей «первую песенку зардевшись спать». Ни тени смущения в велеречивых размышлениях о Вселенной (никак не менее). И вселенская тоска в отстраненно-туманных рассуждениях о себе и своей музе. И всюду «нечто и туманна даль».

— Ольга Александровна, в последние годы много говорят о положении женщины в обществе, о загруженности женщин. Для женщины — творческой личности эта проблема, надо полагать, особенно остра. Как вам удается сочетать обязанности матери и хозяйки со всеми остальными?

— Мое поколение знает, как сочетали в трудные годы войны наши матери сотни своих обязанностей — перед колхозным полем и полем ратным, перед семьей, часто многодетной, и сотками приусадебного участка, которыми надо прокормить, одеть, обуть детей. А ведь еще требовалось научить их добру, грамоте, ремеслу... У меня перед глазами пример матери, и я не могу говорить всерьез о том, что трудно сочетать любимую работу с любимой семьей в сегодняшний мирный день. Сейчас можно не рваться на части, везде успевать — естественно и свободно. Я даже не могу назвать все это «обязанностью», ибо и дети, и творчество — это жизнь.